

Синдром Киссинджера

С годами время ускоряет свой ход. Это известная истина и с ней Анатолий Аркадьевич не мог спорить. Он перешагнул тот возрастной рубеж, после которого хватает мудрости жить своей жизнью, принимая её и своё окружение такими, какими они есть на самом деле. Анатолий Аркадьевич Никольский был известным в городе и области писателем, его произведения печатали не только местные издания, но и толстые литературные журналы, издаваемые в Москве. Писатель совмещал своё творчество с работой в двух театрах в качестве литературного консультанта и вел радиопередачу на местном канале. Ему было за пятьдесят, но он был подтянут, хорошо одевался, а потому всё еще нравился молодым женщинам. Последнее обстоятельство его, казалось, не трогало. У него была бурная молодость, с множеством романов и приключений, но женившись, он стал хорошим семьянином и примерным отцом.

Друзья и приятели Анатолия Аркадьевича иногда мягко иронизировали по этому поводу, а один из них Борис Васильев, с которым Никольский дружил еще в студенческие годы, высказался и вовсе определенно:

- Наступит время, клюнет похоть в темя.

Жена Никольского, Анна Леонидовна, преподавала в колледже и дополнительно занималась репетиторством. Согласно распространенному мнению, что противоположности притягиваются, при разных характерах и привычках мужа и жены у них на удивление была крепкая семья. Аня, как называл жену Анатолий Аркадьевич, была воплощением семейной заботливости. Даже, когда у них дети были еще маленькие, она находила возможность заботиться не только о них, но и не забывала уделять внимание любимому мужу. При этом иногда она была излишне категорична и обидчива. А эти качества легко переходили в противостояние, что, в свою очередь, приводило к ссорам. Однако в силу личного душевного притяжения, которое людям даётся как дар, эта пара с самого начала была гармоничной, что позволило ей пережить все жизненные невзгоды. Дети выросли и покинули родительский дом, то бишь уютную трёхкомнатную квартиру в городском спальном квартале. Анну Леонидовну назначили заместителем директора колледжа по учебной части. У нее стало больше работы и от репетиторства пришлось отказаться. Анатолию Аркадьевичу тоже предлагали различные должности: от главного редактора журнала до начальника отдела в департаменте культуры, но он предпочёл остаться «свободным художником», объяснив это тем, что на своей карьерной лестнице он успел побывать на руководящих должностях и теперь хочет посвятить свою жизнь творчеству. Писатели – народ особенный, не всегда руководствуются обычной логикой и смыслом, а потому семья и близкие знакомые приняли выбор Никольского с пониманием.

Анатолий Аркадьевич чувствовал, что начинается очередной подъем его творческого вдохновения. Такие периоды уже бывали в его жизни. Это когда писатель просыпался утром и знал: он будет работать над рассказом не потому, что надо закончить начатое повествование, а потому, что он хочет быть внутри этого созидательного процесса, вместе с героями переживать и действовать. Только в этот раз всё было так же, и одновременно по-другому. Автор с какой-то иронией понимал, что если раньше его герои послушно действовали согласно заданной первоначальной идее, то сейчас они необъяснимым способом отступали от его замыслов и приводили рассказ совершенно к другому финалу. Отдельные эпизоды были, как и раньше, в его власти, но целиком рассказ мог совершенно изменить развитие и заканчивался не так, как задумал автор, а как захотели персонажи произведения.

Никольский шутливо жаловался Ане:

- Представляешь, герои моих произведений начинают жить своей жизнью. Мне кажется, я не всегда могу управлять ими.

Анна Леонидовна, улыбаясь, советовала:

- Пусть живут, как хотят. Лишь бы они не вмешивались в нашу жизнь. Ты их в гости к нам не приглашай. Вдруг им у нас понравится, а мы привыкли вдвоём жить. И журналистам, когда интервью даёшь, об этом не распространяйся. Могут не правильно понять.

В этот благоприятный для писателя период Анатолий Аркадьевич приступил к работе над повестью, которая называлась «У черты». Сюжет родился сам собой. За основу повести был взят жизненный путь автора с добавлением эпизодов, происходивших с его друзьями и коллегами.

Не все посвященные одобрили это начинание. Борис Васильев со свойственной ему иронией убеждал Никольского, что рано ему писать произведения, основанные на его жизни.

- Ты же еще не полностью раскрылся как писатель. И в жизни твоей, возможно, всё самое интересное еще впереди. Ты как повесть заканчивать собираешься? То, что было, изложишь литературным слогом, а дальше? Может, не будешь торопиться. Жизнь твоя – не девка на выданье, от прожитых лет не перезреет.

Но Никольский уже был весь в работе. Буквально за два месяца были написаны первые три главы повести, в которых в легком романтическом стиле были представлены главные герои и второстепенные персонажи с их приключениями и переживаниями. С юношеских лет до нынешних дней автор рассказал о себе, обществе и времени, в котором жил. Но книгу в таком виде заканчивать не хотелось. Да и невозможно это было, герои хотели жить дальше, и писатель, поддавшись соблазну нарисовать картину будущего своих героев в наше время, продолжил повествование.

Книга получилась живой, динамичной и познавательной. Она была быстро издана, кроме того размещена в Интернете, где автор с удовольствием читал отзывы о его повести в восхитительных тонах. Анатолий Аркадьевич принимал поздравления и раздавал интервью

представителям местных медиа. И только Борис Васильев с присущим ему нигилизмом подсыпал деготь в бочку мёда:

- Ты знаешь, я много лет работал в ГАИ и ГИБДД, в том числе руководителем этого областного ведомства. Могу тебе на основании безжалостной статистики сказать, что самые страшные аварии случаются не потому, что машина движется с большой скоростью, а чаще всего потому, что она движется на подъеме, где обзор очень ограничен, и пошла на обгон, то есть выехала на встречку.

- При чем здесь это? Я писатель, а не автогонщик.

- Ты сейчас на подъёме. Успех, тщеславие, известность. Но ты обгоняешь время. Время обгонять нельзя. Надо жить в своём времени. Есть такая поговорка «Если время обгонять, демоны погонят вспять». Ведь ты же не фантастику пишешь, а прозу жизни.

- Повесть уже написана и издана, ничего изменить нельзя. Хватит чернуху вещать. Ты мне друг, но всё имеет свои границы.

И снова всё шло своим чередом. Но сначала незаметно, а затем и явно жизнь Анатолия Аркадьевича стала меняться. Она стала насыщенной, у него появились новые знакомства, как в своём городе, так и в Москве. Теперь его приглашали не только на встречи с читателями и студентами вузов, но и на различные официальные мероприятия, иногда с участием губернатора. Возможно, это было связано с тем, что теперь писатель Никольский был членом общественной палаты региона, а может по каким-то другим причинам.

Однажды в одной компании его представили симпатичной молодой женщине. Когда познакомились, девушка подала руку и сказала:

— Марина Эдуардовна.

Они разговорились. Оказалось, Карманенко Марина Эдуардовна - балетмейстер по образованию, работает в музыкальном театре.

С этого дня жизнь писателя Анатолия Аркадьевича пошла совсем по другому руслу. Казалось, он вернулся в далёкую юность, где испытал первую влюблённость.

Марине Эдуардовне было чуть меньше сорока лет, но она была настолько утонченной внешне и внутренне, что казалось это не женщина с определенным жизненным опытом, а молодая девушка-тростинка интеллигентного воспитания. Её внешность полностью соответствовала балетному искусству, более того сама её фигура, лицо, глаза были словно произведение искусства, настолько тонки были её черты лица. Волнистые тёмные волосы придавали её образу несколько томный, нежный вид, что Никольскому казалось, ей нужна опора и защита. Правда от кого следует защищать милое создание, мужчина не знал. Но чувствовал, что ему просто необходимо быть в музыкальном театре каждый день, где он встречал Марину Эдуардовну после репетиций, которые она проводила с артистами балета. Им не надо было искать темы для разговора, но что удивительно, они вели не только интеллектуальные беседы, а могли разговаривать о всяких пустяках и неурядицах, причем иногда даже перебивая друг друга. У

Маришки, как называл её Анатолий Аркадьевич, когда они были наедине, была отдельная двухкомнатная квартира, и они в ней наслаждались друг другом, не замечая не только времени, но и забывая о каких-либо других делах и заботах. Их идиллия с каждым днем расцветала красками, взаимным чувством и радостью встреч, без которых они уже не могли представить свою жизнь. Но одновременно с развитием отношений с Мариной Эдуардовной писатель начал испытывать грусть и тревогу. И понять происходившее с ним мужчина не мог, а может просто боялся признавать очевидные факты.

Он жил со странным ощущением, что, несмотря на яркие взаимные чувства к Марине Эдуардовне, он не перестал любить свою жену и задавался вопросом: «Разве можно любить двоих сразу»? Понимая, что рано или поздно о его связи с другой женщиной будет известно жене, он всеми фибрами души отвергал это и не мог с этим смириться, потому что искренне не хотел принести Анне Леонидовне какое-либо страдание. Мысль, что, в конце – концов, надо будет делать выбор между двумя любимыми женщинами, претила ему, он её тоже отторгал. Кого бы он не выбрал, другой будет больно, он это прекрасно осознавал. Жена и семья для него – святое. Но оставить Марину Эдуардовну он тоже не мог. Всё это смешивалось с пониманием, что его жизнь проходит в последнее время по сценарию, который он сам изложил в повести «У черты». Такой мистики даже Гоголь не придумал. Только у Никольского всё это не придумано, а происходит на самом деле. Получается не «У черты», а «За чертой». Наконец, он решился откровенно поговорить об этом со своим старым другом Борисом Васильевым.

Однажды Никольский пригласил Бориса в кафе, и когда они расположились за столиком в вип-зале (чтобы никто не мешал разговору), начал не простой разговор:

- Только давай без этих твоих приколов-подколов. Мне надо с тобой поделиться.

- Новые впечатления от великолепия нахлынувшего романа?

- Подожди, Борис. Кроме тебя я ни с кем не могу об этом поговорить.

- Почему?

- Могут предположить, что у меня крыша поехала.

- У тебя её и так снесло с этой балериной.

- Она балетмейстер, а не балерина. Но послушай сначала.

- Ну, если ты меня определил духовником и хочешь исповедоваться, действуй. Только учти, я грехи отпустить не могу. Не уполномочен.

- В последнее время мне казалось, что у меня всё замечательно. Движение, динамика, кураж. Только начал я замечать, что многие события, которые со мной происходят, описаны в повести «У черты». Ты же читал книгу. Помнишь, я описывал поездку в Европу и приключения с одной парижанкой. Так вот, всё произошло именно так и на самом деле. Даже некоторые детали совпали. В книге я описал как мой герой и парижанка провели двое суток в доме у моря, причём крыша в спальне была стеклянная

и через неё видны были звезды на небе, а через окна можно смотреть на море. Всё так и было со мной и настоящей парижанкой, не выдуманной.

Потом я тебя приглашал на презентацию книги в Малый зал Центрального дома литераторов в Москве, ты, правда, не поехал, но там тоже всё происходило, так как описано в повести. И самое главное – Марина Эдуардовна. В повести об этом романе подробно изложено, хотя, конечно, там имена у героев другие. И она в повести – не балетмейстер, а искусствовед художественной галереи. Остальное во многом совпадает. Получается, я живу по конспекту моей книги и совершаю всё то, или почти всё, что в повести совершает основной персонаж.

- Что тебя не устраивает? Ты, похоже, сам этого хотел?

- Мне страшно. Там по книге моя жена, то есть жена героя повести, флиртует с одним мужчиной, затем у них роман. Развода герои книги избежали, но чего это стоило? Там такие разломы дальше идут.

- Из меня психолог не важный. Но понял я одно: если ты сейчас во всём этом не разберешься, тебе понадобится, чуть позднее, психиатр.

- Что мне делать?

- Одному не справиться. И психологи нынешние могут не понять. Надо ехать к старцу.

- Ты серьёзно? Он что в пещере живёт?

- Старец Никодим живёт не в пещере, но не близко. Если с утра выехать, к обеду будем у него. Придётся там ночевать. Получается, за два дня управимся. Я сам тебя к нему отвезу.

- Так сразу и ехать?

- Если хочешь разобраться, тянуть нельзя.

Через два дня друзья отправились в путь. Они благополучно преодолели около пятисот километров по трассе, затем три десятка километров ехали по местной асфальтовой дороге до деревни, что была ближайшей от дома старца, дальше дорога была грунтовая, кое-где вымощенная булыжником.

- Если лесная дорога в порядке, значит к Никодиму люди приезжают, - заметил Никольский.

- У русских людей почитание святых и старцев принято на генетическом уровне. Когда припрёт, то народ не всегда к докторам идёт, а направляется в церковь, к старцам или к колдунам и гадалкам.

Домик старца не выглядел обветшалым: крыша из профнастила, добротные окна с наличниками. Рядом колодец, теплицы и грядки. Забор и оград не было. Друзей удивило, что у самой крыши была расположена спутниковая телевизионная тарелка. Значит, старец с цивилизацией дружит. Дверь в жилище была не заперта. Гости, как и положено, постучали и, получив разрешение, вошли.

Никодим был преклонных лет, выглядел он, как и положено старцу, в длинной белой рубахе и с бородой. Взгляд хозяина дома был открытым и добрым.

«Я ведь не предсказатель, а обычный отшельник. Если хочешь чтобы помог, нужно тебе рассказать всё, без утайки. С самого детства и до

сегодняшнего дня», - сказал Никодим, когда гости поздоровались, представились, и Анатолий Аркадьевич сказал, что приехал за помощью, – «Друг твой пусть в доме отдыхает, а мы с тобой на речку пойдём, там и поговорим».

По извилистой тропинке они прошли к берегу небольшой реки, оба берега которой были словно укутаны густым кустарником и невысокими деревьями. Стволы деревьев выглядели причудливыми по своей форме: они были искривлены, с наклоном, а некоторые даже переплелись друг с другом. Среди них на открытой лужайке стояла широкая, деревянная скамейка на которой и расположились мужчины.

- Когда есть свободное время, прихожу сюда, - начал разговор Никодим.- Здесь душа человеческая в гармонии не только с природой, но и с собственным телом и мыслями. Вот ты удивляешься, что у меня в доме телевизор, холодильник и прочие предметы для современной жизни. Так ведь сами по себе элементы цивилизации нужны и полезны. Люди всегда хотели жить лучше, комфортнее, забывая часто о душе и святости. Я тоже не старцем известным родился. Испытал земные радости и потери. В научно-исследовательском институте работал, кандидат наук. Только так жизнь повернула, что понял: не только близких теряю, а самого себя, в первую очередь. Здесь, вдали от людей, с годами и верой успокоился, дух свой очистил, но возвращаться в общество не стал. Почувствовал, что могу другим людям помогать, и теперь люди сами идут и едут ко мне. В этом есть моё предназначение. Получается, исцелив себя, могу исцелять других.

Никодим говорил неторопливо, а гость его внимательно слушал и словно проникался благодатью окружающей природы, святостью старца и его простым словам. А потому, когда пришло время рассказывать ему о своей жизни, то приводил не просто факты, но и делился своими сомнениями и переживаниями.

Анатолий Аркадьевич долго рассказывал о своём жизненном пути, но старец его ни разу не перебил и не задавал вопросов. Под влиянием естественного обаяния Никодима Никольский поведал ему все свои сомнения и страхи. Он закончил свой монолог словами:

- Мне страшно не только за себя, но и за свою жену. Она ни в чём не виновата и не подозревает, какой зигзаг может преподнести судьба.

- Страх - это чувство природное, естественное, и хорошо, что ты о нём говоришь, не скрываешь. А вот с судьбой - сложнее. Судьба - это предначертание для человека. И если по каким-либо причинам предначертание это меняется, душа человека остаётся в смятении и беспокойстве. Много лет ты жил с женой в согласии и благополучии, но внутри тебя жило тайное желание разврата и прелюбодеяния. Ты оставался порядочным человеком и верным мужем в жизни, но как только представилась возможность нарисовать будущее в своей книге ты «опустил вожжи» и подался «во все тяжкие». Иногда сильное желание, озвученное каким-либо образом, меняет код судьбы. Это как молитва искренне верующих или обращение к святым, которые могут помочь человеку.

Независимо от твоей воли, но в соответствии с твоими посылами, раскрытыми в повести, код твоей судьбы поменялся, и ты живёшь согласно новому заданному алгоритму. Получается, в программу судьбы ты сам внёс изменения. Сейчас ты хочешь вернуть ту настоящую жизнь, но и нынешняя жизнь - это реальность, и от неё просто так не уйти.

- Но жена для меня - святое. Терять или приносить ей страдания я не могу.

- Изменить судьбу из вне - невозможно, даже если ты предполагаешь или знаешь, как будут развиваться события. Это называется синдромом Киссинджера. Был такой государственный секретарь в США. Очень влиятельная личность планетарного масштаба. От него зависела не только внешняя политика Соединенных Штатов, но и других государств. Когда он отошёл от дел, к нему долгое время приезжали государственные мужи за советами. Потом он состарился (ему скоро сто лет исполнится), и бывший великий политик мало с кем встречается из сильных мира сего. Он в силу уникального опыта и долголетия в политике обладает даром предвидения. Но если двадцать-тридцать лет назад он действительно мог что-то изменить или повлиять на текущий ход событий, так как занимал ключевые правительственные посты, то ныне он предсказать может, но реальных рычагов изменить что-либо у него нет. Получается: знает, но повлиять не может. Это твой случай. Синдром Киссинджера. Согласно текста своей повести ты знаешь, что последует дальше, но изменить это очень проблематично. Рубить с плеча здесь нельзя. Лишь усугубишь ситуацию. Нужен тонкий и неразрушающий подход. Только соединяясь с судьбой и гармонично расставляя приоритеты, можно спасти ценности не только своей души, но и отношения с близкими людьми. Однако, как это сделать конкретно - решать тебе. Даже не решать в обычном понимании слова. Должно прийти озарение, тогда у тебя будет новый код судьбы, и ты спасёшь себя от нахлынувшей страсти-напасти и не принесёшь страданий жене. Помни одно: своими похождениями ты не только жену предал, но самого себя. Сможешь переформатировать себя, значит, и нить судьбы будет спокойная и надёжная.

В дом Никодим и Никольский вернулись уже вечером, поужинали, и все легли спать. Утром старец провожал гостей. От денег предложенных ему Анатолием Аркадьевичем Никодим отказался, а вот подарки, купленные заранее по совету Бориса: муку, колбасу, масло, он принял ещё накануне.

Через несколько дней, как-то вечером, Анна Леонидовна обратилась к мужу:

- Анатолий, я с воскресенья начинаю ходить на курсы бальных танцев, в группу для взрослых. Мне уже и партнёра нашли. Он раньше танцами занимался, поэтому легко научит меня.

Никольский оцепенел. По книге флирт, а затем и увлечение жены героя повести были с партнёром по танцам.

- Толя, ты меня слышишь? - спросила Анна Леонидовна.

- Да, да, конечно, - наконец промолвил тот.

Мужчина оделся и вышел на улицу. Стоять или сидеть он не мог, поэтому бродил по улицам, не выбирая маршрута. В голове стучало: «Не помог старец. А ведь он эти дни не отходил от жены. Пылинки с неё сдувал. Сейчас делать резкие движения, типа запретить жене ходить на курсы танцев бесполезно. Согласно повести она всё равно с ним познакомиться. Ладно, пусть познакомиться, главное чтобы знакомство не переросло в нечто большее. Никодим говорил: соединиться с судьбой и гармонично расставить приоритеты...»

И здесь Анатолий Аркадьевич остановился, как вкопанный. «Вот оно озарение. Это же просто».

Он почти бежал домой, но, зайдя в квартиру, взял себя в руки. Затем подошёл к Анне Леонидовне и с улыбкой, которая полностью отвечала состоянию его души, сказал:

- Аня, откажись от партнёра. Скажи, что у тебя уже есть партнёр. Мы будем ходить на курсы вместе и станем прекрасной танцевальной парой.

- Милый, я так рада. Не думала, что ты согласишься. Мне казалось, что тебе это не интересно.

- Интересно, ещё как интересно.

Через две недели ему позвонила Марина Эдуардовна:

- Может и правильно, что ты ушёл без объяснений. Я догадывалась, что семья для тебя важнее, но я о другом. Уезжаю в Москву. Предложили работу в Большом театре. Не знаю как, но кажется, всё взаимосвязано. Я мечтала работать в Большом и выслала туда своё резюме. Получила приглашение. Спасибо за всё. Прощай.

Спустя полгода чета Никольских гуляла в зимнем парке, запорошенном снегом, но дорожки парка были расчищены. Анна Леонидовна держала мужа под руку и что-то рассказывала. Вдруг он неожиданно спросил:

- А помнишь, ты говорила о мужчине, которого тебе «сватали» в партнёры по танцам? Ты его видела? Он вообще танцует сейчас?

- Да, он занимается в другой группе с женщиной, с которой у них скоро свадьба. Мне подруги рассказали. Представляешь, ещё полгода они не знали друг друга, а теперь свадьба. Значит судьба.

- Синдром Киссинджера. Если соединиться с судьбой, то можно изменить даже то, что изменить нельзя.

- Ты это о чём, милый? Загадками говоришь.

- Да нет. Просто вспомнил очередной прикол Бориса. Кстати, мне нужно будет отлучиться с ним на пару дней. Хочу навестить Никодима.

- А кто этот Никодим? Ты раньше о нём не рассказывал.

- Великий человек. По величине души я равных ему не знаю. И мудрый, как Генри Киссинджер.